

УДК 94(47).08
DOI 10.52452/19931778_2024_6_64

НИКОЛАЕВСКАЯ РОССИЯ И ЕЕ СИСТЕМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»)

© 2024 г.

М.В. Медоваров

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024

Статья посвящена образу дореформенной, «николаевской» России в мировоззрении монархических публицистов 1890-х гг. Рассматриваются трудности, с которыми были связаны попытки реабилитации в общественном мнении некоторых порядков эпохи Николая I. Особое внимание уделено вопросу о сравнении местного самоуправления в дореформенной России с пореформенным самоуправлением в неземских губерниях в пользу первого, что связано с появлением в конце XIX в. проектов расширения земств на новые территории.

Ключевые слова: дореформенная Россия, Николай I, неземские губернии, местное самоуправление в пореформенной России, «Русское обозрение».

Тема восприятия более ранних исторических эпох в социальной памяти России XIX – начала XX в. все еще далека от всесторонней изученности. И если по восприятию событий Средневековья или XVII–XVIII вв. в России как николаевской, так и пореформенной имеются некоторые хрестоматии и множество историографических трудов [1–3], то гораздо меньше внимания уделяется восприятию прошлого не столь давнего. Каких-либо трудов об образе николаевской эпохи в глазах россиян второй половины XIX в. нет, если не считать работ непосредственно о переходном периоде после 1855 г. [4]. Между тем в России конца XIX в., к примеру, были еще живы многие из деятелей царствования Николая I, но, несмотря на это, изрядно мифологизированный образ николаевской эпохи доминировал в умах интеллигенции и в целом образованной публики. События 30–40-х годов воспринимались в 80–90-е годы XIX в. недостаточно отстраненно (ср. воспоминания Б.Н. Чичерина и П.Г. Редкина), хотя постепенно доля отчужденного, академического взгляда историков на них росла (достаточно вспомнить историко-литературные исследования А.Н. Пыпина, Н.П. Барсукова или В.И. Шенрока). Тем не менее тема николаевской России оставалась еще слишком политизированной, и когда В.П. Мещерский предложил назвать восстановленный Александром III Черноморский флот «николаевским флотом», это вызвало возмущение либералов. Для консерваторов, в общем и целом, эпитет «николаевский» чаще воспринимался как похвала: вспомним тезис

К.Н. Леонтьева о Николае Павловиче, Пушкине и митрополите Филарете как трех гениях дореформенной эпохи. Впрочем, нужно сделать исключения для славянофилов: И.С. Аксаков и более левые поздние славянофилы (О.Ф. Миллер, А.В. Васильев) отличались негативным отношением к николаевскому режиму.

Более выпукло на их фоне выглядела позиция лидера правого крыла позднего славянофильства – генерала А.А. Киреева, который был крестным сыном и пажом Николая I. В своем дневнике он неоднократно возвращался к оценкам этого царствования. Личность самого монарха для Киреева была образцом рыцарских качеств: «Император Николай был человек глубоко преданный России; никто больше его не дорожил ее величием, никто искреннее не желал ее блага, никто, конечно, не страдал больше покойного царя» [5, л. 233об]. Основным недостатком николаевской эпохи Киреев считал пренебрежение гуманитарным образованием и воспитанием общества, «технический уклон», «недоверчивое отношение к мысли»: «Бедный рыцарский царь, которого так жестоко обманывали и который так верил в возможность борьбы с идеей административными мероприятиями» [5, л. 451]. Чиновничий саботаж вкупе с внешними обстоятельствами (вероломством Австрии и других западных держав), по мнению Киреева, и привел к севастопольской катастрофе. Вместе с тем, полагал он, неудача 1855 г. не может обесценить прочих заслуг государя: «Император Николай I растет по мере отдаления его эпохи. Ясное сознание неколебимо пре-

следуемых им целей давало великую силу его действиям» [5, л. 451].

Многие черты Николая I стали познаваться лишь десятки лет спустя и в сравнении. Противопоставляя молодого императора Николая II его прадеду, А.А. Киреев в мае 1895 г. отмечал: «Государь говорит: “Я хочу быть не только Николаем II, но и вторым Николаем”. Дай Бог, чтобы царь имел такую же твердость характера, так же высоко держал знамя России, но и не дай Бог, чтобы он был так же слеп, как его прадед, чтобы он так же недоверчиво относился к мысли» [6, л. 17об–18]. В июне 1896 г., когда в России широко отмечалось столетие со дня рождения Николая I, Киреев записал: «Несомненно, Николай Павлович – величественная царственная фигура, не только физически, но и нравственно. Он несомненно любил Россию, готов был лечь за нее костьми, работал неустанно на ее пользу и величие. Характер его был вполне рыцарский. Он чувствовал свою неподготовленность к царствованию (он это говорил моей матери) и думал, что дела именно идут так, как он приказал. Дело в том, что, не встречая нигде и ни в чем противодействия, отпора (в России), сломив их 14 декабря 1825 г. в Петербурге и в Варшаве 1831 г., он забывал, что можно не исполнять приказания и не сопротивляясь (просто будучи лентяем, или мошенником, или дураком). Крестьян он не освободил совсем не “из трусости”, а потому что считал крестьян еще незрелыми для освобождения» [6, л. 72–72об]. В этих записках звучит и мотив ностальгии по николаевской морали: «Нравственность при Николае Павловиче была не лучше, но приличия соблюдались» [7, л. 7об]. С другой стороны, Киреев был не единственным, кто полагал, что «наивно-рыцарский характер» императора привел к его самообману в Священном Союзе и внешнеполитическому краху Крымской войны [8, л. 143–143об].

9 марта 1904 г., когда Николай II наградил Киреева орденом св. Александра Невского, генерал обратился к царю со смелой речью: «Ваше Величество, я ведь николаевский офицер и помню древние времена! Какой был тогда у правительства “престиж” и авторитет! Мы все ему верили, хотя он оказался и необоснованным» [9, л. 308]. В марте 1907 г. Киреев вспоминал, что при Николае I «можно было жить спокойно, можно было спокойно трудиться и несомненно народ (крестьяне) были менее разорены и менее пьяны» [10, л. 217]. В 1908 г., говоря о речи Витте с нападками на Николая II, генерал восклицал: «Как бы он при Николае Павловиче за *мысль* о такой речи поплатился!» [9, л. 281об].

Не раз Киреев противопоставлял выражения «сделать по-николаевски (I)» и «по-николаевски (II)». Можно сожалеть о том, что в современном восприятии слово «николаевский» закрепилось в основном в отношении первого из двух императоров, хотя в последние годы стали появляться статьи историков, без всяких дополнительных обоснований использующих этот термин применительно к эпохе Николая II [11; 12].

Небольшим, но показательным эпизодом в истории восприятия образа России 1825–1855 гг. в конце столетия являются материалы о николаевской эпохе в консервативном, монархическом журнале «Русское обозрение» (1890–1898 гг.). Число таких публикаций в узком смысле слова невелико. Гораздо больше материалов журнал публиковал о философии славянофилов 40-х гг., о литературном наследии Пушкина, Лермонтова [13–16], Гоголя [17–20]. Входили сюда воспоминания о молодых годах Льва Толстого, Н.И. Пирогова, о быте офицеров на Кавказской войне (М.А. Ливенцов). Данные темы мы вынуждены оставить за пределами данной статьи и сосредоточиться на том, как сотрудники «Русского обозрения» воспринимали николаевскую Россию в социально-политическом отношении.

Если эпохи Екатерины II, Павла I, Александра I и даже первых лет реформ Александра II широко отражались журналом в многочисленных публикациях воспоминаний, исторических исследований, даже в художественных романах из жизни этих периодов, то царствование Николая I сравнительно с ними выглядит белым пятном. «Русское обозрение» как будто опасалось касаться этой темы. Журнал был правоконсервативным, но не крепостническим, и не раз публиковал повести и романы из времен крепостного права с его явным осуждением (правда, чаще из более старинных времен, чем николаевские).

С 1895 по 1897 г. «Русское обозрение» отметились четырьмя крупными статьями, посвященными выработке исторической оценки николаевской эпохи. Все они принадлежали именитым, хорошо узнаваемым консервативным публицистам: П.П. Суворову, К.Ф. Головину, В.А. Грингмуту, А.И. Елишеву.

В феврале 1895 г. П.П. Суворов выступил от имени всей редакции «Русского обозрения» против либералов, обвинявших журнал в «до-реформенном идеализме» [21]. В своем кратком ответе публицист постарался защитить от нападок николаевскую эпоху в целом. «Есть ли предосудительность в том, что консервативные люди, их газеты и журналы относятся почтиительно к доосвободительному бытию России?» – риторически спрашивал Суворов, указывая, что

на Западе уважают феодальное прошлое, плодом органического развития которого стали современные учреждения [21, с. 805]. В пример он приводил британский парламент, недавно восстановивший телесные наказания вопреки принципам либерального прогрессизма. В противовес этому, писал Суворов, петровские реформы ввели в Россию много «разного хлама, чуждого коренным условиям русской жизни», и пришло время в нем «разобраться», особенно теперь, когда отечественные наука и образование вышли на мировой уровень. Он сетовал: «Мы расшатали вековые устои, на которых зиждилось государство и которых касаться следовало осторожно. Без религиозного и монархического принципов Русское царство немыслимо» [21, с. 806]. Суворов опирался на свой опыт работы в земстве, где либералы из доктринерских соображений не развивали сеть земских школ, зато противодействовали церковно-приходским школам. Приводя факты коррупции и продажности политической системы США, Франции, Англии, он предлагал вспомнить о духовности и нравственности «крепостной России», подчеркивая: «Ни религия, ни монархия, ни семья не требуют от личности отречения от самостоятельности, от нравственного и умственного совершенствования. Наши сухие доктринеры, пленяющиеся одними мертвыми формами представительного правления, не хотят умышленно видеть тех пороков, которые раскрыла позднейшая история Запада. Доктринеры насильственно тянут наше отечество к формам, чуждым его духа» [21, с. 807].

Свою позицию П.П. Суворов определял как славянофильскую, признавая появление новых потребностей у пореформенного русского общества, но трактуя эти потребности иначе, чем западники, призывая брать у Запада только лучшее, адаптировать заимствования к реальной жизни России. Говоря о царствовании Николая I, он называл его временем гениев: «В нем, несмотря на крепостничество, таились животворные силы, выдвинувшие из народной среды громких воителей, замечательных писателей и государственных деятелей. Вспомним из них: <...> Скобелева-деда, Погодина, Никитенко, Евдокимова и других. Мы не упоминаем здесь о блестящих поэтах николаевского царствования, фамилии которых должны быть известны каждому грамотному русскому» [21, с. 808]. В данном случае П.П. Суворов повторял тезис К.Н. Леонтьева о вершине развития самобытности русской культуры в 1830–40-е годы по контрасту с последующим временем: «А что нам дала тридцатилетняя эпоха огульных отрицаний нашего прошлого? Какие новые дарования выдвинула

она на поприще литературы, науки и администрации? Какие новые идеи она завещала потомству? Ведь Достоевский, Писемский, Тургенев, Толстой суть отпрыски ненавистной крепостной России. Писатели отрицания даже не пережили своей славы» [21, с. 808].

В конце XIX в., говорил Суворов, начался возврат общества к николаевской культуре: перестали издавать нигилистов-шестидесятников, со страниц гимназических хрестоматий стали исчезать даже стихи Некрасова, «но на них продолжают блистать неувядаемой красотой Пушкин, Лермонтов, Гоголь и другие гениальные творцы мысли крепостнической эпохи. Вот оттого-то она, помимо осужденного всеми крестьянского вопроса, дорога для нас, не закрывающих глаз на свою историю. Да, я презираю новейшую беспочвенную либеральность. Я не закрываю глаз от прошлой России: я люблю ее за ее необыкновенную даровитость, за ее страдания, за ее величайшие подвиги и идеалы. Среди них моя родина выработала крепость тех государственных и бытовых начал, которых, по образному выражению Державина: ...ни ветер быстротечный, / ни времени полёт не сокрушит» [21, с. 809].

Сразу после статьи П.П. Суворова в том же выпуске «Русского обозрения» была опубликована насыщенная фактами историческая статья С.Д. Крылова об общественной жизни в николаевской России [22], опиравшаяся на труды Н.П. Барсукова о Погодине и П.А. Матвеева о Гоголе. В центре внимания здесь были западники, славянофилы и охранители: Белинский, Герцен, Огарев, Катков, Киреевский, Уваров, Погодин, Шевырев, Гоголь. В рамках предмета нашей статьи представляет ценность вводное замечание автора: «Сороковые годы – эпоха чрезвычайно важная и интересная, но слишком слабо или, лучше сказать, односторонне освещенная. В эту эпоху слагаются окончательно и вступают в борьбу те направления общественной и научно-литературной мысли, которые под иными именами и в несколько ином виде продолжают жить и до сего дня. Сороковые годы отмечены упорною борьбою двух направлений: восточного и западного. Необходимо беспристрастное освещение этой эпохи: при таком освещении будут для нас более понятными многие явления последующего времени» [22, с. 810]. По мнению С.Д. Крылова, полвека спустя раскол на западников и славянофилов в России стал сглаживаться и примиряться: «Это уже один из тех признаков, которые знаменуют поворот в настроении нашего общества. Общество наше, наученное опытом прошлого, отказываясь от прежних крайностей и увлечений, начинает разумнее смотреть на вещи» [22, с. 839].

Месяц спустя один из известнейших консервативных публицистов К.Ф. Головин начал печатать в «Русском обозрении» свое исследование о русском романе 40-х и 50-х гг. XIX в. [23]. Оставляя в стороне собственно литературную часть (с особым вниманием к И.С. Тургеневу, А.Ф. Писемскому и И.А. Гончарову), отметим глубокую социологичность анализа в данном труде. Головин настаивал, что если в Европе указанный период был ознаменован восхождением нового класса образованных мещан, то в России до 1861 г. дворянство оставалось господствующим классом, а потому люди конца николаевской эпохи были крайне смелы в либеральной критике на словах, но бессильны на деле: «В нашем движении сороковых годов смелость отвлеченной мысли совпадает с крайней робостью на практике» [22, с. 458]. Литература рисовала картины царившего в обществе зла (крепостничества, коррупции), но не предлагала никакой внятной альтернативы, никакого образа будущего. Лишь исподволь, с середины 40-х годов, по мнению К.Ф. Головина, в России стал расти подлинный политический радикализм.

К столетию со дня рождения Николая I в августе 1896 г. в русской периодической печати вспыхнули дискуссии об императоре и его эпохе. Наиболее известный пример – статья Владимира Соловьева [24], вопреки сложившейся с конца 80-х гг. либеральной репутации автора наполненная восхвалениями (к тому же с цитатой из Победоносцева!) Николая I как носителя «христианского идеала», рыцарски великодушного человека и адепта религиозной и национальной терпимости.

«Русское обозрение» откликнулось на юбилей программной статьей В.А. Грингмута «Николаевские времена» [25]. По словам публициста, само это словосочетание вызывает острые и «разнородные» чувства как у думающей публики, так и у обывателей, повторяющих чужие мысли: «Николаевские времена! Для одних это синоним мрака и горя, для других – света и славы. Одни говорят, что они погубили Россию, другие – что они спасли ее. Одни желали бы вычеркнуть их из нашей истории, другие мечтают об их возвращении. Третьи, наконец, проклиная их, вместе с тем вздыхают о них как о каком-то сказочном, навеки утраченном, героическом времени России» [25, с. 521]. Грингмут предлагал не ждать будущей оценки беспристрастных историков, а попробовать оценить николаевскую эпоху уже сейчас, чтобы эту оценку прививать своим детям при их воспитании. Признавая, что люди не достигают абсолютной истины, мыслитель призывал не отказываться от познания и исследований хотя бы

ради достижения частичной истины и скорбеть о тех, кто деградирует и уходит в сторону от нее. Николаевскую эпоху нужно знать, чтобы не повторять старых ошибок, полагал Грингмут. Он считал себя обязанным оповестить всех о найденном им пути и верной с его точки зрения оценке.

Оценка эта была такова. По мнению Грингмута, либеральный тезис о Севастополе как закономерной катастрофе и наказании за николаевское правление был «пошлостью» и «вздором», развращавшим молодежь и не выдерживавшим критики. В противовес этому мыслитель утверждал «великое, славное значение николаевской эпохи в истории России» [25, с. 528] и подчеркивал, что «николаевским» следует называть лишь то, на чем имелся отпечаток личности императора, а не то, что делалось чиновниками или революционерами против его воли.

Грингмут возражал не только западникам, но и славянофилам вроде Киреева: «Да, многое творилось в России при Николае Павловиче, чего Он не знал, и тем не менее мы никогда Ему этого незнания в вину не поставим, также как мы не ставим в вину Колумбу то, что он не знал *всей* открытой им Америки, а знал лишь незначительную часть ее. <...> Колумб открыл Америку. Что же открыл Николай Павлович? Россию» [25, с. 529].

Оставляя в стороне прозрачный намек на сравнение Шеллинга с Колумбом в «Русских ночах» В.Ф. Одоевского, отметим, что в обосновании этого утверждения Грингмут, однако, фактически шел за славянофилами, с которыми часто спорил во всем остальном. Он полагал, что после Петра I Россия сто лет провела в «иностранной школе» и прошла хорошую и необходимую выучку. При этом сущность России с ее самобытной культурой была прочно забыта и начала вновь открываться со времен Отечественной войны. По мнению Грингмута, даже Карамзин не почувствовал русской самобытности, а Пушкин проникся ею только в последние годы жизни, да и то во многом благодаря Николаю I, который уверовал в эту народную Россию и «заставил своих современников против их воли устремиться на неведомый им путь для открытия этой России» [25, с. 530]. Здесь мыслитель вновь сравнивал императора с Колумбом, который вопреки никудышной команде корабля и его технической отсталости всё же привел экспедицию к цели хотя бы частично. Отсюда следовал вывод: «Николаевское время есть время великого государственного подвига, совершенного императором Николаем I, подвига единичного, не понятого современниками, за исключением Пушкина, и вполне оцененного лишь потомками» [25, с. 531]. Грингмут при-

знавал наличие кричащего противоречия между государственным идеалом Николая I и реалиями России его времени: «Император Николай получил в наследство интеллигентскую Россию, в корне извращенную столетнею петербургскою школою, Россию, утратившую основной смысл своего существования, Россию, колебавшуюся между хлыстовщиной и конституцией, между плаксивою сентиментальностью и грубым чиновничьим и помещичьим произволом, между утонченным западным скептицизмом и диким простаковским невежеством» [25, с. 531]. И всё-таки, был убежден Грингмут, Николай I на протяжении 30 лет тянул Россию в сторону идеала и завещал потомкам продолжать это трудное дело.

В обоснование своего мнения публицист ссылаясь на речь киевского митрополита Платона. Твердая преданность православию, по мнению Грингмута, сделала Николая I для народа «родным Царем, соответствующим тому идеалу, который вечно предносится воображению русского народа, идеалу русского Царя-Богатыря, олицетворяющего Собой русскую правду, являющегося любвеобильным отцом для своего народа и грозным защитником его против всякого зла и несправедливости» [25, с. 532]. Император решал две задачи: создать внешний порядок и «новую внутреннюю жизнь, которая в сущности должна была быть лишь органическим и сознательным развитием старой русской жизни, основанном на глубоком изучении как западной, так и своей собственной культуры» [25, с. 532]. Отсюда следовал вывод: лишь Николай I создал тот централизованный аппарат, с помощью которого затем стало возможным провести реформы, прежде всего крестьянскую (хотя либералы «сделали всё, чтобы ее исказить», и в той форме, в какой она реализовалась в 1861 г., Грингмут однозначно ее осуждал за «запутывание помещичьих и крестьянских отношений... в один громадный Гордиев узел»).

Эту внешнюю николаевскую систему управления Грингмут оценивал как крайне прочную, выдержавшую все попытки расшатать ее в 60–70-е гг. XIX в. Он прямо порицал курс реформ Александра II на уменьшение роли правительства и предоставление общества самому себе, считал его недопустимым, отстаивая жесткий патернализм. Грингмут говорил: «Благие намерения народа приведут его к совершенно противоположным, ужасающим последствиям... Мы должны твердо помнить, что где бы ни применялась у нас либеральная теория ответственного отсутствия или бездействия, она всегда приводила лишь к катастрофам» [25, с. 533]. После катастрофы 1 марта 1881 г. в России, полагал Грингмут, «явился новый царь-богатырь

[Александр III], который спас ее простым возвращением к николаевской системе» [25, с. 533]. Новый монарх, по словам публициста, потратил большую часть царствования на исправление «увлечений западными доктринами» реформаторов 60–70-х гг., но всё же наметил пути превращения России в «истинно-русское православное государство» [25, с. 534]. Впереди, надеялся Грингмут, страну ждало «возвращение домой» по И.С. Аксакову: призыв к этому раздался в 1812 г., «сборы в путь» пришлось на николаевское время, а пореформенная эпоха ознаменовалась сначала неуверенными, а с 80-х гг. и «решительными шагами по ясно открывшейся дороге». Мыслитель трактовал деятельность Николая I, Александра II и Александра III как тезис, антитезис и синтез в осознании данного пути. О начавшейся эпохе Николая II Грингмут говорил: «Так угодно Богу и Царю, а потому, перекрестившись, Россия уже и двинулась вперед по этому пути, который соответствует и логике исторических событий, и всем жизненным интересам русского государства» [25, с. 535]. Гарантией продвижения на этом пути вопреки западным соблазнам мыслитель видел подбор правильных, консервативных «истолкователей и вершителей самодержавной воли». Таким образом, «Русское обозрение» ярко заявило о своей позиции беспримерной апологией николаевских принципов управления (но отнюдь не социальных реалий николаевской России).

Спустя год, в августе 1897 г., постоянный обозреватель журнала А.И. Елишев выступил с развернутой статьей, посвященной судьбе неземских губерний, где функции самоуправления с 1874 г. находились в руках губернских распорядительных комитетов, состоявших из 5 человек на губернию, из которых лишь один член был выборным, а остальные обременены бюрократическими обязанностями по основной должности [26]. В отличие от земств, эти органы по закону не могли расходовать бюджетные средства почти ни на какие необходимые для развития образования, транспорта, статистики нужды. Тем самым неземские губернии оказывались обречены на хозяйственное неустойчивое и запустение в сравнении с земскими.

Чтобы показать альтернативу, Елишев напоминал читателям «Русского обозрения», как были устроены земские повинности в николаевскую эпоху, до реформы 1864 г. Комитет земских повинностей тогда играл роль будущих губернского земского собрания, а особое о земских повинностях присутствие – роль губернской земской управы. Первый орган собирался губернатором раз в три года при участии, наря-

ду с чиновниками *ex officio*, депутатов от дворянства и городов, а также частных лиц – экспертов. Второй орган из шести чиновников (губернатор, городской голова, предводитель дворянства, председатель казенной палаты, управляющий палатой госимуществ, управляющий удельной конторой) исполнял решения первого. Кроме того, функционировали отдельные присутствия комитета земских повинностей в уездах. Таким образом, средняя дореформенная губерния из 10 уездов имела по 31 выборному члену в органах самоуправления и менее чем 20 назначаемых по должности членов. Елишев делал вывод: местное самоуправление в николаевской России стояло на гораздо более высокой ступени, чем в неземских губерниях после 1864 г., при всем том, что интересы государственных и крепостных крестьян в ту эпоху представляли не они сами, а чиновники и помещики. Николаевское самоуправление регулировалось уставом о земских повинностях (статьи 102 и 180), который прямо предписывал губернаторам сокращать земское обременение и взимание повинностей с жителей, вводя каждую новую повинность лишь с августейшего разрешения. Этот устав не был отменен и при Александре II, но фактически перестал исполняться. Елишев удивлялся: «Странное дело, почему это всего каких-нибудь тридцать лет тому назад, тогда, когда местные учреждения и не проявляли никаких особых тенденций к обременению населения слишком значительными земскими сборами, правительство зорко следило за тем, чтобы такое обременение не допускалось вовсе. В наши же дни, когда всякого рода сборы на земские повинности... доходят в некоторых губерниях до 50% с доходности имуществ, ни о каком ограждении населения от этих сборов нет и речи и губернаторы как бы забыли о существовании 102 статьи... нечего говорить уже о статье 180!» [26, с. 383]. По словам публициста, в пореформенной России под видом «самообложения» существует разорение хозяйств грабительскими чрезвычайными повинностями, что поневоле провоцирует на ностальгию по николаевской эпохе.

Восхищался Елишев и дореформенным порядком двойной ревизии земских отчетов, которые раз в три года обсуждались выборными депутатами от дворянства и городов. Он удивлялся тому, что в России многие не помнят, как обстояли дела 30–40 лет назад: «Таковы была в высшей степени интересная организация отправления земских повинностей в дореформенное время. Организация эта давно забыта, и о ней существуют даже среди лиц, интересующихся земским делом, обыкновенно самые пре-

вратные представления. В массе публики, претендующей на образование, распространено мнение – как это ни странно сказать, так как дело идет о нашем отечестве и о порядках, существовавших всего тридцать лет тому назад – о том, что земские повинности отправлялись прежде путем исключительно бюрократическим. Из предыдущего очерка нетрудно убедиться, насколько это мнение справедливо. Нет, в дореформенное время по буквальному смыслу закона существовало такое же земство и такое же отправление земских повинностей, как и в настоящее время. Общество, в лице своих и притом довольно многочисленных представителей, участвовало в земском деле по тому времени вполне достаточно» [26, с. 384–385].

А.И. Елишев оговаривался, впрочем, что старая система была приспособлена к уровню потребностей николаевской эпохи и могла быть слегка реформирована, а не сломана: «Дореформенный комитет земских повинностей... представлял собою учреждение в общем вполне удовлетворительное и нуждавшееся лишь в некоторых преобразованиях. Нужно было дать ему больше свободы и самостоятельности. Не было никакой надобности обставлять утверждение смет и раскладок длинной процедурой рассмотрения их в министерствах и в Государственном Совете. Едва ли необходимо было представлять эти раскладки на высочайшее утверждение. Можно было бы составлять сметы на каждый год, а не на трехлетие. Нельзя было ничего возразить против изменения личного состава комитета о земских повинностях. Наконец, едва ли была какая-нибудь необходимость сосредоточивать земское дело в губернии, и едва ли встретилось бы затруднение к образованию земских органов в уездах. Но во всяком случае не было никакой необходимости совершенно, в корень, разрушать дореформенный порядок отправления повинностей, как это сделано земскою реформой» [26, с. 385]. В результате дореформенные комитеты превратились в губернские распорядительные комитеты, но общее собрание присутствий исчезло вместе с выборным началом местного самоуправления в неземских губерниях как таковым.

А.И. Елишев приходил к выводу, что и в 1897 г. земства вовсе не являются оптимальной альтернативой: «Лучшим подтверждением, что улучшение земского хозяйства в окраинных губерниях возможно и помимо введения в них земских учреждений, является то, что в дореформенную эпоху, как это мы видели выше, несомненно существовала организация, которая, с одной стороны, была несравненно совершеннее ныне действующих на окраинах поряд-

ков, и с другой, не страдала теми недостатками, которыми страдают земские учреждения. Эта дореформенная организация, обладая общественным представительством и предоставляя населению вполне достаточную гарантию того, что средства, собираемые с него на местные нужды, имеют правильное и законное употребление, не страдала в то же время многими недостатками земских учреждений» [26, с. 386]. Елишев заключал, что следует перестать смотреть на земскую и судебную реформы как на «политический Коран» либерализма и более свободно отнестись к сравнению эффективности николаевской и пореформенной систем. «Участие в управлении представителей населения», «возложение всей исполнительной части не на уполномоченных этих представителей населения, а на органы правительственной власти», «введение земских хозяйственных органов в общую систему губернского управления» (вместо дублирования земствами и властью круга полномочий друг друга) – вот три кита дореформенного самоуправления, которые Елишев считал применимыми и к своей эпохе [26, с. 387]. Этот вывод вполне укладывался в общую направленность мысли публициста, в том же номере журнала посвятившего другую статью защите сословности русского общества и обоснованию того, что сословия даже к концу XIX в. всё еще далеки от реального органического слияния [27].

Таким образом, можно констатировать обострение дискуссий об историческом значении эпохи Николая I среди русских консерваторов в 80–90-е гг. XIX в., причем позиции славянофилов разнообразились от крайне критической у И.С. Аксакова и А.В. Васильева до весьма комплиментарной у А.А. Киреева и П.П. Суворова. Стабильно высоким был интерес общественности к классикам русской литературы николаевского времени, а также к воспоминаниям о Кавказской войне.

Однако наибольший всплеск интереса к данной теме, как видно на примере журнала «Русское обозрение», пришелся на 1895–1897 гг. и во многом был связан с восшествием на престол Николая II и высказанным им желанием стать «вторым Николаем», а также с празднованием столетнего юбилея Николая I в 1896 г. В противовес либеральной периодической печати, для которой реформы 1860-х гг. были «священной коровой», а апология дореформенных порядков представлялась недопустимой, консервативные публицисты «Русского обозрения» постарались найти в николаевской эпохе наиболее пригодные для текущих социально-политических задач примеры. П.П. Суворов подчеркивал богат-

ство этих времен на таланты, определившие культурный облик России. К.Ф. Головин интерпретировал 40-е годы как переломное время в общественной жизни страны. А.И. Елишев доказывал развитость выборного начала в местном самоуправлении при Николае I. В.А. Грингмут сделал акцент на личной роли императора в пробуждении русского самосознания к допетровским образцам, в начале освобождения от некритического западничества. Такие трактовки, безусловно, формировали у читателей «Русского обозрения» апологетический образ царствования Николая I и способствовали поляризации мнений в обществе об этой столь недавно ушедшей эпохе, которая в конце XIX в. все еще не могла восприниматься в полной мере хладнокровно и беспристрастно и зачастую воспринималась как значимое для отрицаний (реже – для утверждений) «иное».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10037, <https://rscf.ru/project/24-78-10037/>.

Список литературы

1. Гайда Ф.А. Пушкинский «Медный всадник» и формирование официального образа Петра Великого в николаевской России // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 218–224.
2. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
3. Медоваров М.В. Образы прошлого в общественном сознании России (XIX – начало XX века). Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. 97 с.
4. Шевырев А.П. «Оттепель» 1855–1857 гг.: от николаевского времени к эпохе Великих реформ // Российская история. 2022. № 4. С. 46–59.
5. Киреев А.А. Дневник (1887–1894 г.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11.
6. Киреев А.А. Дневник (1894–1899 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12.
7. Киреев А.А. Дневник (1878–1881 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8.
8. Киреев А.А. Дневник (1884–1887 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10.
9. Киреев А.А. Дневник (1900–1904 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 13.
10. Киреев А.А. Дневник (1905–1908 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14.
11. Антошин А.В. Левый политический либерализм в вильгельмовской Германии и николаевской России // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2022. Т. 12. № 1. С. 128–137.
12. Покидова Е.А. Николаевская Россия глазами иностранцев // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Ч. 2. Уфа: Аэтерна, 2020. С. 77–79.
13. Александров А.А. По поводу стихотворения, приписываемого М.Ю. Лермонтову // Русское обозрение. 1896. № 5. С. 385–387.

14. Кальнев М.А. Дело о погребении М.Ю. Лермонтова (Неизданный документ) // Русское обозрение. 1895. № 2. С. 841–876.
15. Мартынов С.Н. История дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым // Русское обозрение. 1898. № 1. С. 313–326.
16. Шан-Гирей А.П. М.Ю. Лермонтов // Русское обозрение. 1890. № 8. С. 724–754.
17. Горленко В.П. Рец.: В.И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя. Том второй. М., 1893 // Русское обозрение. 1893. № 5. С. 377–380.
18. Майков В.Н. Н.В. Гоголь и С.Т. Аксаков (К истории литературных влияний) // Русское обозрение. 1891. № 5. С. 438–455.
19. Новицкий А.П. Гоголь и Иванов // Русское обозрение. 1893. № 3. С. 345–363.
20. Щеглов И. [Леонтьев И.Л.] Защита Гоголя (Книга П.А. Матвеева «Николай Васильевич Гоголь и его переписка с друзьями») // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1115–1120.
21. Суворов П.П. Кое-что о «дореформенном идеализме» // Русское обозрение. 1895. № 2. С. 805–809.
22. Крылов С.Д. Направления общественной и научно-литературной мысли в 40-х годах текущего столетия // Русское обозрение. 1895. № 2. С. 810–839.
23. Головин К.Ф. Из истории русского романа. 40-е и 50-е годы // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 455–469; № 6. С. 911–933; № 9. С. 350–361.
24. Соловьев В.С. Памяти императора Николая I // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 606–609.
25. Грингмут В.А. Николаевские времена // Русское обозрение. 1896. № 8. С. 521–535.
26. Елишев А.И. Внутреннее обозрение // Русское обозрение. 1897. № 9. С. 372–388.
27. Елишев А.И. «Слияние сословий» // Русское обозрение. 1897. № 9. С. 279–295.

**NICHOLAS I'S RUSSIA AND ITS SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
AS INTERPRETED BY CONSERVATIVES OF THE LATE NINETEENTH CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF THE «RUSSKOE OBOZRENIE» JOURNAL)**

M. V. Medovarov

The article is devoted to the image of pre-reform, Emperor Nicholas I's Russia in the worldview of monarchist publicists of the 1890s. The difficulties associated with attempts to rehabilitate some of the orders of the era of Nicholas I in public opinion are considered. Particular attention is paid to the issue of comparing local self-government in pre-reform Russia with post-reform self-government in non-zemstvo provinces in favor of the former, which is associated with the emergence at the end of the nineteenth century of projects to expand zemstvos to new territories.

Keywords: pre-reform Russia, Nicholas I, non-zemstvo provinces, local government in post-reform Russia, Russkoe Obozrenie.

References

1. Gaida F.A. Pushkin's «The Bronze Horseman» and the formation of the official image of Peter the Great in Nikolayev Russia // Notebooks on conservatism. 2022. № 3. P. 218–224.
2. Leontieva O.B. Historical memory and images of the past in Russian culture of the XIX – early XX centuries. Samara: LLC «Book», 2011. 448 p.
3. Medovarov M.V. Images of the past in the public consciousness of Russia (XIX – early XX century). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2017. 97 p.
4. Shevryev A.P. The «Thaw» of 1855–1857: from the time of Nicholas to the era of Great Reforms // Russian History. 2022. № 4. P. 46–59.
5. Kireev A.A. Diary (1887–1894) // DM RSL. Coll. 126. Aids. 1. Fol. 11.
6. Kireev A.A. Diary (1894–1899) // DM RSL. Coll. 126. Aids. 1. Fol. 12.
7. Kireev A.A. Diary (1878–1881) // DM RSL. Coll. 126. Aids. 1. Fol. 8.
8. Kireev A.A. Diary (1884–1887) // DM RSL. Coll. 126. Aids. 1. Fol. 10.
9. Kireev A.A. Diary (1900–1904) // DM RSL. Coll. 126. Aids. 1. Fol. 13.
10. Kireev A.A. Diary (1905–1908) // DM RSL. Coll. 126. Aids. 1. Fol. 14.
11. Antoshin A.V. Left-wing political liberalism in Wilhelmian Germany and Nikolayev Russia // Images Mundi: an almanac of studies of universal history of the XVI–XX centuries. 2022. Vol. 12. № 1. P. 128–137.
12. Pokidova E.A. Nikolaevskaya Russia through the eyes of foreigners // Traditional and innovative science: history, modern state, outlook. P. 2. Ufa: Aeterna, 2020. P. 77–79.
13. Alexandrov A.A. About the poem attributed to M.Y. Lermontov // Russian Review (Russkoe obozrenie). 1896. № 5. P. 385–387.
14. Kalnev M.A. The case of the burial of M.Y. Lermontov (Unpublished document) // Rus. Rev. 1895. № 2. P. 841–876.
15. Martynov S.N. The history of the duel between M.Y. Lermontov and N.S. Martynov // Rus. Rev. 1898. № 1. P. 313–326.
16. Shang-Girey A.P. M.Y. Lermontov // Rus. Rev. 1890. № 8. P. 724–754.
17. Gorlenko V.P. Rev.: V.I. Shenrock. Materials for Gogol's biography. Volume two. Moscow, 1893 // Rus. Rev. 1893. № 5. P. 377–380.
18. Maikov V.N. N.V. Gogol and S.T. Aksakov (On the history of literary influences) // Rus. Rev. 1891. № 5. P. 438–455.
19. Novitsky A.P. Gogol and Ivanov // Rus. Rev. 1893. № 3. P. 345–363.
20. Shcheglov I. [Leontiev I.L.] The Defense of Gogol (P.A. Matveev's Book «Nikolai Vasilyevich Gogol and his correspondence with friends») // Rus.

Rev. 1894. № 12. P. 1115–1120.

21. Suvorov P.P. Something about «pre-reform idealism» // Rus. Rev. 1895. № 2. P. 805–809.

22. Krylov S.D. Trends in social and scientific literary thought in the 40s of the current century // Rus. Rev. 1895. № 2. P. 810–839.

23. Golovin K.D. From the history of the Russian novel. The 40s and 50s // Rus. Rev. 1895. № 3. P. 455–469; № 6. P. 911–933; № 9. P. 350–361.

24. Solovyov V.S. In memory of Emperor Nicholas I // Solovyov V.S. Essays in 2 volumes. Vol. 2. M.: Pravda, 1989. P. 606–609.

25. Gringmut V.A. The Nicholas Times // Rus. Rev. 1896. № 8. P. 521–535.

26. Elishev A.I. Internal review // Rus. Rev. 1897. № 9. P. 372–388.

27. Elishev A.I. «The merger of estates» // Rus. Rev. 1897. № 9. P. 279–295.